

ЧУМАКЪ

въ

НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ

Этнографическій очеркъ.

«Языкъ, законодательство, кодексъ нравственныхъ правилъ—все это отвлеченности; полное же знаніе доставляетъ изученіе человека дѣйствующаго, тѣлеснаго, видимаго, который ѣсть, ходитъ, борется, работаетъ».

Т э н ъ: Histoire de la littérature anglaise.

VI*).

Чумаки въ дорогѣ.

Вотъ, чумаки и въ дорогѣ. Съ этого только времени, собственно говоря, имъ и должно бы принадлежать названіе, которое они носятъ: тутъ украинецъ только и получаетъ тотъ истинный этнографическій оттѣнокъ, по которому узнается чумакъ. Тутъ самыми условіями жизни вызываются иные обычаи, нравы, мысли, представляющіе отличительную черту чумака. Послѣдуемъ же за чумацкою валкою.

Оставивши родное село, чумаки, предводительствуемые отавномъ, минули знакомыя, сосѣднія села, потонувшія въ рос-

кошныхъ садахъ; мало-по-малу исчезаютъ, рѣдѣютъ и хутора — эти ярко-зеленые сады нашей Украины: чумацкая валка, покинувши «селидѣби», выбирается на чистую, голую степь, — степь дѣвственную, по которой еще не проходилъ плугъ «хлѣбороба» и не оставилъ ни единой борозды... Когда эта безбрежная, необозримая степь приняла длинную валку въ свое сонное, молчаливое лоно, — кака-то воля почувствовалась на душѣ каждаго изъ чумаковъ... Глухому шелесту «тирсы» (ковыль-трава) чумакъ отвѣчаетъ оглушительнымъ крикомъ: «Гей, степи, поля-роскішъ моя!» И вотъ, среди этой степи, палимой знойнымъ южнымъ солнцемъ, «битимъ шляхомъ» (битой тропой) тянется подымаемая пыль въ гору, длинная валка чумаковъ:

Та идутъ воли дорогою
Та все бедратіи,
А за ними чумаченьки
Та все жонатіи;
Та идутъ воли дорогою
Та все круторогі;
А за ними чумаченьки
Та все чорпоброві;
Та идутъ воли дорогою
Та все половні,
А за ними чумаченьки
Та все молодіі...

Чумакъ никогда въ дорогѣ не гонитъ своихъ любимцевъ «воливъ,» онъ ѣдетъ обыкновенно не спѣша — «по хозяйскій».

Ой я зроду чумакою (говоритъ онь), —
Иду на гору — не бичую,
А зъ гори йду — не гальшую,
По рівному — поганяю...

Относительно ѣзды у чумака выработались такія практическія наставленія: «Пощануй худобу разъ, — вона тебе десять разъ пощануе»; — «шануй гори й мости — будутъ ціліи твої кости». Оттого одна изъ главныхъ заботъ чумака въ дорогѣ — это елѣ волы. Чумакъ знаетъ, что «въ кого вѣль та коса — въ того грошей киса», а также ему извѣстно, что «за добрымъ товаромъ зовуть и паномъ». Но чтобы «товаръ» былъ такой, чумакъ слѣдуетъ, необходимъ бдительный уходъ за нимъ, присмотръ «хозяйське око, говоритъ пословица, товаръ тучить». Поэтому все почти вниманіе чумака въ дорогѣ обращено на воловъ, чтобы они и наѣлись въ пору, и напоены были въ пору, и чтобы имъ данъ былъ продолжительный отдыхъ.

Пускаясь въ путь обыкновенно съ разсвѣтомъ, чумаки

спѣютъ отъѣхать 10 — 15-ти верстъ, какъ уже останавливаются «воливъ попасати», а вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ сварить «снѣдання». Любимымъ мѣстомъ, гдѣ чумаки останавливаются «на попасъ», бываетъ долина. Во-первыхъ, потому, что въ долинѣ всегда почти бываетъ довольно травы — «попасъ добрий», а во-вторыхъ — съ долиною неразлучна вода: или гдѣ-нибудь «озѣрце» пріютилось среди густого камышу, или можетъ быть «криниця» тихо «дѣжурить» изъ-подъ горы... Чумаки любятъ такія мѣста: вода въ степи составляетъ едва ли не болѣе важное условіе для «попасу», чѣмъ самая «паша».

Но вотъ чумаки наши, наконецъ, расположились «на попасъ». Выпрягли воловъ изъ возовъ; отрядили «погоничівъ» пасти «худобу», а сами готовятся варить кашу.

Среди степи, надъ дорогою, заставленною чумацкими «мажками», неподалеку отъ заросшаго камышемъ озера, раннимъ утромъ дымится разведенный огонь. Надъ «багаттямъ» (костеръ) стоятъ «таганы» (родъ треножника), а на нихъ виситъ «казанъ» (котелъ) съ кашею. Тутъ же, вокругъ пылающаго «огнища», расположились и чумаки. Сидятъ они — кто какъ попало: одни, въ высокихъ «бриляхъ» (шляпа) съ широкими «крисами» (поля), протянувши къ огню ноги, мрачно уставили глаза на идущую изъ казапа «пару»; другіе, сбросивши брили, полулежа грѣютъ бока на огнѣ отъ свѣжей утренней прохлады; третьи лежатъ спинами вверхъ... Утренній вѣтеръ «подихае» изъ озера и производитъ въ иныхъ ватажанахъ лихорадочную дрожь, а въ другихъ задѣваетъ длинныя «чуприны» и не совсѣмъ пріятно шевелитъ ими. Загорѣлыя чумацкія лица угрюмы; сами чумаки молчаливы: къ тому обыкновенно располагается раннее утро. Ни шутковъ, ни пѣсенъ — неразлучныхъ спутниковъ чумацкой жизни... Только слышенъ трескъ горящихъ дровъ; только жаворонокъ звонко заливается вверху, а съ озера доносится крикъ утки, съякающей пискливыхъ утятъ, да слышенъ сапъ воловъ, съ большимъ аппетитомъ пожирающихъ сочную росистую траву...
Наконецъ, готова пища и для чумаковъ — обыкновенно «каша» или «галушки». Кашоваръ снимаетъ казанъ съ огня, вынимаетъ изъ «гѣрби» (сума) ложки, которыя каждый изъ чумаковъ вручилъ ему передъ выѣздомъ — и чумаки, выпивши по чаркѣ «горілки», усѣлились «снѣдати». Заморивши червяка, чумаки пошлѣлись: лица сдѣлались довольнѣе, языки начали развязываться — послышались шутки, говоръ... А тѣмъ временемъ и казанъ опустѣлъ. Поблагодарили Бога и кашовара «за хлѣбъ, за сѣнь и за снѣдання», и — по слову отамапа — принялись поднимать возы, запрягаютъ воловъ... Уже все готово: возлѣ каж-

даго воза чумаць-хозяинъ, а впереди всѣхъ — отаманъ. Тутъ снова молитва о помощи, — и валка медленно двинулась.. «Гей, сірі! гей, полові!..»

Йдуть вози изъ-за гори вискрипуючи,
А за ними чумаченьки — вигукуючи!

Но чумаки не всегда находятъ себѣ такой удобный «попась»: иногда они їдутъ, їдутъ, — нѣтъ паши! Уже версть 15-ть сдѣлали — пердѣ остановиться, да и только. А воли «ревуть» и за сердце чумака хватаетъ досада. Ёдутъ они все дальше и дальше; спускаются въ долину; но и тамъ гдо: впереди прошедшія валки всю траву вывормили. Что дѣлать? Чумаки обращаются «за порадою» (совѣтомъ) къ отаману:

Отамане, батьку нашъ,
Порадь же ти теперъ насъ!
Що будемо робити —
Чимъ волики кормити?

Отаманъ, который уже не разъ бывалъ въ подобной бѣдѣ, не унываетъ: онъ старается ободрить грустныхъ своихъ товарищей:

Ой ще, хлопці, не біда —
Есть у полі лобода (лебеда)
Косить, хлопці, лободу,
Забуйте всю біду!

Когда же въ полѣ нѣтъ и «лободы», отаманъ «радіть» косить даже «пшеницю» или «ячмінь», а если и того нѣтъ, то хоть «споряшъ» (мелкая трава) — лишь бы не голодали воли.

Вида своихъ воловъ голодающими, чумаць самъ не знаетъ какъ ему и обратиться къ нимъ. Онъ готовъ передъ ними раскочать всевозможныя ласки, чтобы хоть немного смягчить свою невольную вину — отсутствіе корму:

Ой воли моі, сірі та ряби,
Ой які жъ бо ви добрі!
Ой стоіте у возахъ та ярмахъ
Ажъ по три дні голодні!..

А воли ему въ отвѣтъ:

Ой стоімо по трп дні у возахъ та ярмахъ —
Ажъ изъ очей слези...
Ой пусти жъ насъ, пане хазяіне,
Хочъ въ ті густі лози:
Ой нехай, ми трошки попасемся
И водиці напьемся,
Тоді ти насъ заприжешъ,

А самъ спати ляжешъ —
Ми зъ дороги не зібьемся!

Если же воли чумацькіе, отъ утѣмы или голода, пристануть — тогда бѣда. Чумаць самъ не свой. Пословица чумацькая говоритъ: «Някъ візь ламаецця — чумаць ума набіраецця; а якъ вілъ пристае, то въ чумака й ума не стае». Пѣсня поетъ:

Ой котилося сонечко по надъ горою,
По-надъ тією чумацькою дорогою,
Стало сонечко пригрівати, —
Стали того чумаченька воли приставати,
Стали його товариші покидати!..

Чумаку тяжело оставаться одному «въ чужій стороньці», и онъ просить товарищей:

Ой ви чумаченьки, ви братці моі,
Не кидайте мене, братця, въ чужій стороні:
Ще жъ я въ чужій стороньці не привикъ,
Бо у чужій стороньці нема роду-родиночки —
Ні до кого прихилити й головочки!..

Товарищи, конечно, никогда не оставляютъ чумака одного въ несчастіи: измѣна товарищу въ несчастіи почитается однимъ изъ самыхъ позорныхъ поступковъ. Чумаць, сдѣлавшій это, вопреки совѣсти и «чумацького звичая», едвали когда-нибудь найдеть себѣ валку, которая приняла бы его въ товарищи: «Хто одъ товариства одстане, говорить пословица, — нехай одъ того швура одстане, якъ на вербі по весні». И ни въ нѣсни, ни въ жизни намъ не встрѣчалось примѣра, чтобы чумаки оставляли товарища одного въ несчастіи. «Товарищъ мовний (разговорчивый), — говорить украинець, — стоить за візь смороний» (подмазаный). Слѣдовательно, бросить товарища нельзя. И чумаки обыкновенно остаются при несчастіи помогать своему бѣдному товарищу. Иногда день, два и три простоятъ на мѣстѣ, ожидая пока приставшіе воли «вихорують». Но бывають и другія бѣдствія, постигавшія чумаковъ въ дорогѣ.

VII.

Нападенія на чумаковъ.

Въ то довольно отдаленное отъ насъ время, къ которому мы отнесли образованіе чумачества, да и много позже — до конца XVIII-го столѣтія, путь, пролежавшій черезъ теперь уже заселеную Новороссію, былъ самый небезопасный. Несмотря на

вооруженные походы чумаковъ, ихъ весьма часто постигали несчастія — не рѣдко стоившіе имъ не только всего «добра чумацкаго», но и жизни. Чумацкія валки постоянно подвергались нападеніямъ или камышниковъ, гайдамаковъ, или татаръ, табунами шлявшихся въ пустынной степи, или же крымцевъ. Весь этотъ жадный людъ такъ и сторожилъ на перепутьи, чтобы поживиться на счетъ чумака.

Едва покидали чумаки населенныя мѣста Украины, на пути, у самаго входа въ необитаемыя степи, ихъ поджидали хищныя шайки степныхъ «харцизъ» — камышниковъ, добышниковъ, главный притонъ которыхъ лежалъ по пути чумаковъ, на скалистомъ островѣ р. Буга—Мигеѣ, а также на островахъ р. Днѣпра, покрытыхъ въ тѣ времена непроходимыми лѣсами, очеретами, болотами. Добышники эти были тѣ самые бездомные, безсемейные бурлаки, что въ началѣ XVI-го в. бѣжали отъ польскихъ пановъ: тѣ самые «винники, броварники (пивовары)», которымъ надо было дѣлать вѣкъ работать по панскимъ «винницямъ, броварамъ», которые удирали на *Низъ*. Отъ мѣстъ, на которыхъ они засѣли, происходитъ и самое ихъ названіе *камышниковъ, мугарей*. Отбитые отъ семьи, бѣжавшіе отъ давленій и насилій, одичавшие подъ вліяніемъ суровой природы лѣсовъ, болотъ, очеретовъ, — эти безпріютные бурлаки часто сами принимались за насильные тяжелые промыслы, которыми они занимались — рыбную ловлю и звѣриную охоту — они мѣняли на болѣе легкіе — охоту на чумацкія валки.

Пѣсни весьма подробно изображаютъ нападенія, какимъ подвергались чумаки въ степи.

Ѣдетъ валка дорогою, которая до сихъ поръ обходилась ей благополучно: все «товариство» здорово, волю — тоже, паша вдоволь, вода есть. Тихо плетутся волю вдоль одиночнаго шляху, дѣлая 20—30 верствъ въ сутки. Останавливаются наши чумаки въ сутки три раза. Первый разъ — рано утромъ, отъѣхавши верствъ 10—15 отъ ночлега; потомъ часовъ въ одиннадцать, какъ только станетъ «сонечко пригрѣвати», чумацкая валка сворачиваетъ съ дороги «воливъ попасати» и сварить «чумацкій обѣдъ». Шутки и весело проходитъ «чумацкій обѣдъ», приливаемый «медомъ, виномъ» и «солодкою розмовою». Лица чумаковъ беззаботны, свѣтятся подогрѣтою виномъ радостію; всѣ мысли ватажанъ переходятъ «въ веселую бесѣдочку»: тутъ забываются и горести и печали, если они у кого были... Кругомъ довольныя, смѣющіяся лица, кругомъ неподдѣльное веселье: шутки, говоръ, пѣсни... Но въ степи чумацкихъ пѣсней некому слушать: опѣ, какъ дымъ, разносятся вѣтромъ по долину, пугаютъ пріютившихся въ травѣ

степныхъ птичекъ и теряются гдѣ-то далеко-далеко между видѣющимися горами... Только иногда можно замѣтить присутствіе пастуховъ: то — молодой, еще непривыкшій къ нелегкой дорожной жизни, новичекъ-чумакъ, забравшись на самый дальній возъ, съ горемъ въ сердцѣ, съ печалью на лицѣ, — переливаетъ свою «тѣгу» въ грустную мелодію неразлучной соплки... Тоска по «отцуженьці», а еще чаще «по молодой дівчині» напоминаетъ, что радости въ жизни перемѣшаны съ печалью... Такъ проходитъ часа три, четыре — пока чумаки пообѣдаютъ и заснутъ. А часу въ четвертомъ, переждавши сильную полуденную жару, валка снова пускается въ дорогу: снова медленнымъ шагомъ плетутся волю «но закуреному шляху», пока не начнетъ «сонечко низенько садидця». Тогда чумаки поспѣшаютъ на ночлегъ, довольные, что день прошелъ «безъ пригоды». Только сердце одного «чумацкаго отамана» непокойно: онъ будто предчувствуетъ что-то недоброе:

Ой високо сонце сходить,

А низенько заходить:

Гей, смутень-смутень чумацкій отаманъ

Та по табору ходить.

Ой вінъ ходить, білі руки ломить

И словесно говорить:

«Гей, ви хлопці, превдали молодці,

Та де будемъ ночувати?»

«Хлопці» ему отвѣчаютъ:

— Ой ми будемъ ночувати

Въ темнімъ лузі, край байраку.

Получивши на этотъ отвѣтъ одобреніе отамана, чумаки —

Спускаютъ въ глубокую долину,

Стають вони ночувати —

Сірихъ воливъ попасати;

кѣ же:

Привертають къ зеленому гаю (роща),

Ставовляцця й винрягають;

а то даже и —

Не доходи къ зеленому гаю,

Стали вони ночувати.

Ночлегъ чумацкій бываетъ также и «въ степу, край долипи», въ чумаки распускаютъ «сірі воли по зеленой муравині»; или «въ степу, край дороги», чтобы пустить на пашу волю «по зеленой діброві».

Но вотъ, въ то именно время, когда, «не доходя къ зеленому гаю, стали вони ночувати», —

Виходило зъ зеленого гаю
Сорокъ чоловікъ розбою, —
Попереду ватагъ молодецький
На воронімъ копю...

Этотъ «ватагъ», на добромъ конѣ «грае — до табору привертае,
и привѣтствуетъ чумаковъ насмѣшкою:

А здорови хлопці, превражні сини,
А здорови почували!
Скажіть мині, хлопці, превражні сини,
Та де жъ вашъ отаманъ?

Чумаки видять — бѣда!

Нашъ отаманъ (говорять они) та по-за возами —
Умиваєця слезами;
Нашъ отаманъ та по-за повими —
Умиваєця дрібними...

А вто отаманъ — не сказали. Но немедленно сошлись всѣ «до купи головами», порадылись, посчитали сколько ихъ — и тогда только объявили «Гавриленко — нашъ отаманъ!» Но не успѣли они осмотрѣться, а «вражий здобишникъ» какъ ударить отамана «срібнимъ списомъ въ груди, — ажъ списъ йому изогнувся»... Несмотря на то, Гавриленка не легко сбить съ ногъ: чумацкій отаманъ часто бываетъ такой же «характерникъ» (колдуль) какъ и «ватагъ» разбойниковъ, — убить его можно только «срібною кулею» (пуля), которой онъ «заговорить» не можетъ. Гавриленко не взялъ даже «срібный списъ»: онъ стоитъ, какъ говорится въ пѣснѣ, «не вступився», а только «обернувся — осміхнувся», и, обратившись къ «товариству» спрашиваетъ у него совѣта:

Ой що жъ теперъ, славне товариство,
Що будемъ робити? —
Ой що багато вражихъ здобишниківъ
Зъ сього світа губити!..

Такъ сильно великодушіе чумацкаго отамана. И это общая черта малороссійскаго характера. Когда врагъ находится въ рукахъ малороссіянина, онъ къ нему относится не только безъ мести, но съ большимъ состраданіемъ. Вопреки увѣреній лицъ, знающихъ близко малороссіянъ, — они вовсе не мстительны; малороссіянинъ все-таки никогда причиненнаго ему зла не забудетъ: онъ будетъ помнить его ради осторожности.

Изъ словъ чумацкаго отамана, что «багато вражихъ здобишниківъ зъ сього світа губити», видно нежеланіе его круто расправиться со всѣми грабителями. Поэтому онъ спрашиваетъ

совѣта у «товариства». Какъ оно постановитъ, — такъ тому и быть. Другое дѣло — расправа съ «ватажкомъ» гайдамацкимъ, который всему «голова», отъ котораго вся «бѣда склалася». Съ нимъ чумацкій отаманъ не церемонится: грозный приговоръ pronounced безъ всякаго колебанія:

Ой підійміте, хлопці, війя въ гору,
Таганами підпріте, —
Ой беріть зъ возівъ, беріть шпуровання —
Та ватажку й почипіте!

А такъ какъ, кромѣ пакостей, не разъ уже причиняемыхъ чумакамъ по инициативѣ «ватажки», онъ еще и подсмѣивался падлыми (а насмѣшка для малороссіянина обиднѣе всего); то чумаки платятъ и ему тою же монетою:

Ой ото жъ тобі, превражий ватажку,
Та й на світі не жити:
Ой ото жъ тобі, превражий ватажку,
Нашъ десяти не побити!

Впрочемъ, при оборонѣ отъ «здобивививъ» дѣло иногда не ограничивается казнью одного «ватажки», а стобитъ жизни всѣмъ грабителямъ. Такъ, когда на чумацкую валку папало гайдамаковъ «сорокъ и чотири», отаманъ энергически скомандовалъ:

Ой ви хлопці, превдаді молодці,
Та беріте дрюки (дубина) въ руки, —
Ой бийте-бийте, бийте-вибивайте
Та превражихъ гайдамаків!
Ой бийте-бийте, бийте-вибивайте,
На нові вози складайте;
Ой та поїдемо у городъ Полтаву,
Та наробимо славу!
Ой славень городъ, славная Полтава,
Що не гине наша слава:
Ой що сорокъ, сорокъ и чотири,
Нашъ десяти не побили!

Несмотря на жесткія расправы съ гайдамаками, — рѣдкая чумацкая валка въ давнія времена не подвергалась ихъ нападениямъ. Этому, конечно, способствовали густые камыши на болотахъ, куда грабители, при видѣ бѣды, прятались. Чумаки были недовольны этими «нѣтрами», что иногда поджигали ихъ, дабы лишити сповойнаго убѣжища этихъ бродягъ:

Ой ишли чумаки зъ України,
Стали попасати край долини,
Викресали огонь зъ оружжия —
Та пустили пожаръ по долині...

Но и, поминувши «нѣтри Дніпрові», вступая въ открытую степь, — чумаки были едва ли еще не въ большей опасности. Тутъ, далѣе къ югу, въ глухой степи, чумацкія валки натыкались на бродящія шайки погайскихъ татаръ, жаждущихъ поживы «чумацкимъ добромъ».

Вотъ расположились чумаки «на попасъ», новидимому, въ довольно безопасномъ мѣстѣ, неподалеку одиноко торчащей среди степи вербы; размѣстились подъ ея тѣнью: одинъ сидитъ «на скрипочку» или въ «соплочку грае»; другіе поютъ пѣсни, нѣкоторые вблизи —

...сидятъ міжъ возами
Медь-впно кружають...

Тутъ же помѣстился и старшій чумакъ — Цымбаль, «горілки кружае». — Вдругъ, среди общаго веселья, какъ камень на голову, падаетъ вѣсть о несчастіи. Пришедшій товарищъ обращается къ Цымбалу:

А годі, годі, старшій Цымбаль, горілки кружати!
Превражиі бусурмане негарадъ зробили:
Усі воли позаймали, кривого лишили —
Одного кривого, другого старого...

Посмотрѣлъ Цымбаль «кругомъ себе», а воловъ дѣйствительно нѣтъ:

Та нема Сокола, та нема Соловья,
Що попереду ходять...

Что тутъ дѣлать? Къ кому обратиться при такой бѣдѣ?..

Ой ударився старшій Цымбаль
Объ поли руками:
«Теперь же ми, миле браття,
На віки пропали!»

Однако подобное отчаяніе непродолжительно: Цымбаль спортивно оправляется, дѣлаетъ необходимыя распоряженія объ отысканіи воловъ:

Ой якъ крикнулъ старшій Цымбаль
На хлопця малого:
«Сідлай, хлопче, сідлай коня,
Сідлай вороного,—
Давай знати въ третю роту
Ажъ до кошового!
Давай панамъ знати,
Давай панамъ знати:
Нехай дають порадоньку—
Волівъ одшукати!»

Или же, чтобы паны, т.-е. войсковая запорожская старшина

...дозволили, та й повеліли
Всю громаду зібрати—
Волівъ одшукати!

А въ другомъ вариантѣ этой пѣсни чумакъ посылаетъ хлопця «на батька рідного»:

Та нехай батько, та нехай рідний
Та листи засилає
Про чумацкіи воли, про чумацкіи вози,
Про його погоничі..

Хлопецъ, немедленно осѣдлавши коня, поскакалъ дать знать тому слѣдовало о чумацкой бѣдѣ — и, къ счастью, попалъ какъ разъ на слѣдъ:

Біжить хлопецъ, біжить малшій
Густими тернами:
Похилились густі трави,
Де воли прогнали...

Конечно, воли вскорѣ были догнаны и отняты у грабителей:

За річкою та за бистрою
Въ усі дзвони дзвонять:
Не журитись, миле браття—
Назадъ воли гонять!
Та сопуть воли, та сопуть воли,
Травницю толочать,
А за ними чумаченьки
Батіжки волочать...

Иногда при преслѣдованіи случается захватить и «превращеннаго бусурмана» въ плѣнъ. Тогда уже ему нѣтъ пощады. Торжественно ведутъ его чумаки къ табору, взводятъ «на крутую гору» и заставляють послѣдній разъ, какъ бы на прощанье, посмотреть «на свою країну». Басурману, конечно, въ такихъ случаяхъ бываетъ не до того:

Да теперъ мині, миле браття,
Країна не мила!

Она знаетъ, какаю его участь постигнетъ черезъ нѣсколько минутъ. Онъ даже не проситъ пощады — и апатично отдаетъ свою судьбу въ руки неумолимыхъ враговъ: опъ только дожиждется, какъ бы скорѣ наступила минута кары. Наконецъ, она стала:

И підняли бусурмана
На три синси (шики) въ гору!..

Въ этомъ послышалась злая, полная отплаты за всѣ несчастія, старшина надъ окровавленнымъ трупомъ басурмана:

Дивись, дивись, бусурмане,
 На нашу свободу!
 Ой що наша свободонька,
 Якъ макъ, процвітає;
 Бусурманська жъ головонька
 Кровью окипає!

Но и нападеніемъ дивихъ татаръ на валки не ограничились бѣды чумаковъ. Подвигаясь къ Крыму, они встрѣчали одного лютаго врага — орду крымскую. Несмотря на мирныя трактаты съ Польшею и Россіею, крымцы нерѣдко подымали — и первую ихъ жертвою бывали чумаки. Такъ, когда чумацкая валка благополучно достигла уже Крыма, — тутъ, «надъ рѣкою надъ Салгирью» на нее напала орда:

Ой у неділоньку, рано-пораненьку,
 Якъ стало світати, —
 Стала орда все чорная
 С-підъ моря вставати...

Чумаки и не догадываются, какое ихъ ожидаетъ несчастіе «навантажують (наваливаютъ) мажі соли» какъ можно больше довольные, что достигли, наконецъ, цѣли такого длиннаго и опаснаго путешествія. Но ихъ предостерегаютъ «німці-комшакі-війці»:

Годі, годі, чумаченьки,
 Въ Крыму соли брати:
 Запрягайте воли въ вози—
 До башти (башни) втігати!

Кто изъ чумаковъ слышалъ это предостереженіе, — тотъ, бравши соли, поскорѣ утѣкъ къ переконской башнѣ:

А которі чумаченьки
 Того не чували, —
 Воли жъ въ тому превражому
 Крыму пропадали...

Набѣжавшая орда однихъ «порубала, посікла», другихъ «уполонъ заняла»... Запорожцы, прибывшіе «чумаченьки въ тувати», застали уже кровавую картину смерти:

Лежать наші чумаченьки,
 Де — два, де — чотири...
 Лежать наші чумаченьки,
 Якъ вялая рыба:
 На нихъ плаття и одежа
 Кровью окипіла...

VIII.

Чумацкія печали и разгуль.

Пѣсни, изображая матеріальныя бѣдствія, сопровождающія чумака въ дорогѣ, отсутствіе корма и водопоя, разныя «пригоди» съ волами, а также нападенія на чумацкія валки грабителей, рисуютъ намъ также картину душевныхъ невзгодъ чумака. Съ перваго взгляда кажется, будто на этихъ закаленныхъ сыновъ степей едва ли можетъ найти мрачное облако печали. И дѣйствительно, обыденное настроеніе валки въ пути, — самое беззаботное, веселое. На попасѣ — неумолкаемый говоръ, постоянныя пѣсни, пѣсни. Вся, повидимому, валка принимаетъ участіе въ общемъ весельи. Но выпадаютъ минуты, когда тоска грызетъ, среди толпы шумныхъ товарищей, какую-нибудь одинокую душу... Поставленный между домашними привязанностями и бездомнымъ, непрерывнымъ скитаніемъ по «широкихъ степяхъ», — чумацъ мученикъ собственной воли. Шумная, исполненная и радостей и «пригодъ», жизнь не въ силахъ заглушить то грустное чувство, какое часто охватываетъ душу его при воспоминаніи о домашнихъ. А память о домашнихъ никогда не оставляетъ чумака. Для него дороги отецъ, «рідна ненька»; ему жаль «любую жинку»; скучно «за малими дітками»; тяжела разлука съ «милую-голубонькою сивою»... Чаше всего воспоминаніе о близкихъ тревожитъ чумака вечеромъ, когда онъ, усталый отъ дневнаго путешествія, остается, въ ожиданіи «вечері» — самотою, съ своею «милую думною».

Идали отъ огня, на вийі (дышло) послѣдняго изъ возовъ, чумацъ спрятавшись отъ товарищей, свѣсилъ чумацъ на грудь желую голову. Лицо его мрачно: видно — какъ пробудилась тоска въ душѣ и охватила сердце... Тихо, чуть слышно зашумѣла сопілка — эта неразлучная подруга чумацкой печали, — подруга, которой онъ повѣряетъ свое горе... Посмотрѣлъ бѣдчумацъ на своихъ воловъ, а «вони чому-сь не пасуцця», и они раздѣляютъ печаль своего хозяина... Ему еще тяжело стало! Глядитъ онъ на дорогу: степь и степь кругомъ, чумацкая степь, по которой — едва примѣтно — взвилась змѣй чумацкая дорога, теряясь изъ глазъ во мглѣ вечера... Куда «за порадою»? Наступаетъ ночь — тихая, лѣтняя, звѣздная ночь, какія бывають на югѣ. Ея чарующій полумракъ окутываетъ непроницаемымъ покровомъ и степь, и дорогу, и дальные холмы и воли... Только видны, при свѣтѣ огня, на темномъ

Дивись, дивись, бусурмане,
 На нашу свободу!
 Ой що наша свободонька,
 Якъ макъ, процвітае;
 Бусурманська жъ головонька
 Кровью окипае!

Но и нападеніемъ дикихъ татаръ на валки не ограничились бѣды чумаковъ. Подвигаясь въ Крыму, они встрѣчали одного лютаго врага — орду крымскую. Несмотря на мирные трактаты съ Польшею и Россією, крымцы нерѣдко подымали — и первую ихъ жертвою бывали чумаки. Такъ, когда чумацкая валка благополучно достигла уже Крыма, — тутъ, «надъ рѣчкою надъ Салгирью» на нее напала орда:

Ой у неділоньку, рано-пораненьку,
 Якъ стало свѣтати, —
 Стала орда все чорная
 С-пидь моря вставати...

Чумаки и не догадываются, какое ихъ ожидаетъ несчастіе «навантажуютъ (наваливаютъ) мажі соли» какъ можно больше довольные, что достигли, наконецъ, цѣли такого длиннаго и опаснаго путешествія. Но ихъ предостерегаютъ «німці-комшакі-пійці»:

Годі, годі, чумаченьки,
 Въ Крыму соли брати:
 Запрягайте воли въ вози—
 До башти (башни) втѣкати!

Кто изъ чумаковъ слышалъ это предостереженіе, — тотъ, бравши соли, поскорѣе утѣкъ къ перекопской башнѣ:

А которі чумаченьки
 Того не чували, —
 Вони жъ въ тому превражому
 Крыму пропадали...

Набѣжавшая орда однихъ «порубала, посікла», другихъ «уполонъ заняла»... Запорожцы, прибывшіе «чумаченьки втувати», застали уже кровавую картину смерти:

Лежать наші чумаченьки,
 Де — два, де — чотирі...
 Лежать наші чумаченьки,
 Якъ вяляла рѣба:
 На нихъ плаття и одежа
 Кровью окипіла...

VIII.

Чумацкія печали и разгулъ.

Пѣсни, изображая матеріальныя бѣдствія, сопровождающія чумака въ дорогѣ, отсутствіе корма и водопоя, разныя «пригоди» съ волами, а также нападенія на чумацкія валки грабителей, рисуютъ намъ также картину душевныхъ невзгодъ чумака. Съ перваго взгляда кажется, будто на этихъ закаленныхъ сыновъ степей едва ли можетъ найти мрачное облако печали. И дѣйствительно, обыденное настроеніе валки въ пути, — самое беззаботное, веселое. На понасъ — неумолкаемый говоръ, постоянныя шутки, пѣсни. Вся, повидимому, валка принимаетъ участіе въ общемъ весельи. Но выпадаютъ минуты, когда тоска грызетъ, среди толпы шумныхъ товарищей, какую-нибудь одинокую душу... Поставленный между домашними привязанностями и бездомнымъ, непрерывнымъ скитаніемъ по «широкихъ степяхъ», — чумакъ мученіемъ собственной воли. Шумная, исполненная и радостей и «пригодъ», жизнь не въ силахъ заглушить то грустное чувство, какое часто охватываетъ душу его при воспоминаніи о домашнихъ. А память о домашнихъ никогда не оставляетъ чумака. Для него дороги отецъ, «рідна ненька»; ему жаль «любу жінку»; скучно «за малими дітьми»; тяжела разлука съ «милою-любобонькою сивою»... Чаше всего воспоминаніе о близкихъ тревожитъ чумака вечеромъ, когда онъ, усталый отъ дневнаго путешествія, остается, въ ожиданіи «вечері» — самотою, съ своею «думною».

Вдали отъ огня, на вийі (дышло) послѣдняго изъ возовъ, чумаки, спрятавшись отъ товарищей, свѣсиль чумакъ на грудь тяжелую голову. Лицо его мрачно: видно — какъ пробудилась тоска въ душѣ и охватила сердце... Тихо, чуть слышно заиграла сопілка — эта неразлучная подруга чумацкой печали, — подруга, которой онъ повѣряетъ свое горе... Посмотрѣлъ бѣдла-чумакъ на своихъ воловъ, а «вони чому-сь не пасуща», и они раздѣляютъ печаль своего хозяина... Ему еще стало! Глядитъ онъ на дорогу: степь и степь кругомъ, чумацкая дорога, теряясь изъ глазъ во мглѣ вечера... Куда «за порадою»? Наступаетъ ночь — тихая, лѣтняя, звѣздная, какия бывають на югѣ. Ея чарующій полумракъ окутываетъ непроливаемымъ покровомъ и степь, и дорогу, и дальныя холмы, и волю... Только видны, при свѣтѣ огня, на темномъ

фонъ, оживленные лица товарищей. Кто люльку курить; кто разлегся противъ полымя; тутъ же въ кружку, передъ огнемъ, сидитъ цѣлая «юрба». Говоръ смѣняется смѣхомъ; смѣхъ — говоромъ: то беззаботная голова тѣшитъ досужую компанію чуждыми вымыслами фантазіи или замѣчательными случаями дѣйствительности. Наконецъ, все затихло... Спустя немного послышался изъ толпы голосъ; за нимъ—другой, третій... Дружная пѣсня разбудила мертвую тишину степной ночи. Мало-помалу грустная перешла въ веселую, веселая—въ плясовую; за свистѣла сопілка—доносятся танцы... Одиночество среди этой дикой картины еще сильнѣе даетъ себя чувствовать. Воображеніе рисуетъ чумаку его родную «хату», съ ея тихими радостями. И кажется ему—семья вечеряетъ... Тутъ же и его «жінка люба», въ кругу полусонныхъ дѣтей, дѣлится «вечерю». Она спрашиваетъ у дѣтей: «Де-то теперь нашъ батько?» И, не получая отвѣта, добавляетъ: «Хай йому легенько згадаецца!»... Вотъ и вечеря окончена. Укладываетъ дѣтей заботливая мать «на нічъ»; каганецъ потушила и сама легла на «постіль біленьку». Но ей не спится: дума о своемъ миломъ какъ огнемъ жжетъ ея голову... А «милий» въ это время всю свою душу отдаетъ ей—и «сопілка» тянетъ еще болѣе грустную ноту:

Хазяїнь дома та хазяїнуе—
На білому снати лягае,
А безщасний чумаць у дорозі
Всяку муку припімае:
Ой стеле хазяїнь та у себе дома
Пуховую пуховицю,
А безщасний чумаць у дорозі—
Та пешасну важницю!..

Или же фантазія рисуетъ чумаку «милу» при другой обстановкѣ грустную, безутѣшную жену его «отсунула кватирку», смотрящую на улицу—не ѣдетъ ли ея чумаць? Тутъ же, возлѣ нее, обступили «малі діти»—спрашиваютъ «батька»... Что имъ отвѣтитъ? Опа уже, бѣдная, «закаляла білі ручки, віконечко відсуваючи» на битий шляхъ виглядаючи, — только «важенько вздыхае» — томъ, что ея милого, «голубонька сивого зъ дороги немає». И чумаць, волнуемый такими тягостными впечатлѣніями, плачетъ:

Лучче бъ було хазяїнувати,
Нїжъ по дорогахъ ходити!

Но тоска по домѣ—участь не однихъ семейныхъ: нежеждать чумаць, оставившій «кохану дівчину», едва ли еще не болѣе тоскуетъ по ней. Мысль о ней преслѣдуетъ его во всю дорогу.

Что дѣлается съ нею? Любитъ ли она его, какъ обѣщала, или же промѣняла на другого?.. Страхъ и надежда отъ этихъ вопросовъ чередуются въ душѣ чумака. Передъ его глазами—одна степная ширь, закутанная во мракъ ночи; тутъ же безгласные воли, да разгульные товарищи, позабывшіе на время свои собственные печали... И чумаць затягиваетъ:

Викопаю крипичежку въ степу, въ кремені, —
Чи не приїде дівчинонька по воду къ мпї?

Напрасны однако его ожиданія:

Та вже съ тїи крипичежки орли воду пьють,
Та вже мою дівчиноньку пекъ шлюбу (вѣнецъ) ведуть:
Одинъ веде за рученьку, другий—за рукавъ,
А я иду—серце вѣяне: любивъ, та не взявъ!

Въ памяти чумака еще живѣе воскресаетъ кроткій, невинный, исполненный душевной силы и вѣры въ клятву, образъ дівчины, которая хотя и подчинилась волѣ старшихъ — «стала на рушничку» съ нелюбомъ, но сердца ему своего не отдала. Но вотъ началось вѣнчанье. Предъ алтаремъ, въ печали и горѣ стоятъ дівчина съ своимъ врагомъ—нелюбомъ; вотъ уже ея «білі руки» связали платкомъ съ руками нелюба—двѣ слезы горючіи заискрились въ ея глазахъ карихъ и повисли на лицѣ, поблѣднѣвшемъ отъ борьбы, отъ испуга... Нелюбъ «невважае» на нихъ: онъ самодовольно обращается къ ней: «Теперь ты моя?!» Что отвѣтитъ дівчині? Видитъ она, что все уже кончено; она заплакала: «Неволя моя!..» только и могла сказать... Все это дѣлается дома, или сдѣлалось уже—еще до выѣзда чумака въ дорогу... И онъ, видя все свое безсиліе воротить прошлое, старается примириться съ настоящимъ:

Въ кого жінка, въ кого діти
Тому дома добре жити....
А я собі бурлакую—
Отнимъ-же я й чумакую!

Иногда тоска чумака по родинѣ доводитъ его до отчаянія, но тогда онъ старается утопить свое горе въ разгульныхъ попойкахъ. Вино заливаетъ «журбу впрямую», но въ немъ иногда томитъ и «чумацьке добро». Самые большіе охотники «до гульні» между чумаками тѣ, кому особенно терять нечего. Это—«наймити», посылаемые въ дорогу. Въ пѣснѣ одинъ изъ такихъ бѣдняковъ, цѣлый свой вѣкъ промучившись, «чужі вози мажучи, чужі воли пасучи»,

наконецъ, не выдерживаетъ. Подъѣзжая къ шинку, весь продрогшій отъ дождя, непогоды, «на волики гукаетъ»:

Гей, гей!
Ой чужі воли, не дужі,
Та вивизитъ мажу зъ калюжі (лужа).
Та поставте мажу на суні—
Та били шинкарки Настусі!

Воли послушно вытащили изъ грязи тяжело наложенный возъ и подъѣхали къ шинку. Чумакъ тутъ какъ дома:

Въ шинокъ прииде, прямо стане,
На шинкарку любо гляне,
Ой шинкарочко Настусю,
Та дай меду-вина напьюся!

Бдучи въ Крымѣ, чумаки заходятъ въ шинокъ и берутъ водку часто «на-боръ», т.-е. въ кредитъ; а потомъ, возвращаясь съ товаромъ, отдають шинкареѣ за набранное вино солью или рыбою:

Ой шинкарочко молода,
Усипъ меду, ще й вина;
Та усипъ кварту на віру—
Пини гроші на стіну; ¹⁾
Да якъ стіну розбиренгъ,
Тодій гроші забереш!

Шинкарега увѣрена, что чумакъ только шутитъ: она ему отпускаетъ и медъ и вино въ кредитъ, потому что она ему—

На сто рублівъ навирае,
А на двісті прищитае;

и въ случаѣ у чумака нечѣмъ будетъ рассчитаться, она «сирѣ воли залигае»....

Вотъ уже «разбирае хміль» чумацкую голову, а чумакъ въ нее не унимается. Онъ то-и-дѣло покрикиваетъ на шинкареву:

Шинкарочка молода,
Підій меду, ще й вина!

Шинкарега смотритъ на него: изодранный «жупанъ» покрываетъ чумацкія плечи,—и, наконецъ, рѣшается отказать чумаку

Не піділю, не подамъ,
Бо у тебѣ жупанъ драпъ!...

¹⁾ Въ Малороссіи до сихъ поръ сохраняется обычай «внести гроші на стіну» — Если кто беретъ въ шинкѣ въ кредитъ, то шинкарега, для памяти, записываетъ въ дверяхъ мѣломъ, или же на стѣнѣ углемъ, сколько палочекъ, сколько квартъ вина — и рассчитывается потомъ по счету.

Чумака это задѣло за живое, онъ прикрикнулъ:

Хочъ у мене жупанъ драпъ,
Есть у мене грошей джбанъ!

На помощь чумацкому кутежу являются и помощники, и помощницы; приходитъ въ шинокъ и «троїста музика». Начинаясь танцы, пѣсни; настаетъ шумъ, гамъ.... Чумакъ все ставитъ ребромъ:

Грай, музико, шпарко, хутко—
Чумакови дуже жутко!
Нехай же вінъ погуляе,
Бо въ кешені (карманѣ) дідька (домовой) має...

Чумакъ разгулялся наконецъ до того, что «въ ворчмі и ноце», и всякого, кто бы ни зашелъ въ шинокъ, угощаетъ:

Рано встае, вино бере—
Всіхъ людей частуе....
Що одну кварту випивае,—
Другу наливає;
Ой хто прииде у жувані,
Братомъ називае....

настольныхъ бражниковъ въ шинкѣ всегда немало; тутъ и братья и «сестриці» — всѣ готовы погулять на чужой счетъ. Чумакъ не унимается; все до питеи спустилъ:

Пропивъ чумакъ штани,
Частуючи Галку;
Пропивъ чумакъ люльку,
Частуючи Любьку....

Когда не хватило уже ни денегъ, ни вещей, онъ принимается «спустить «худобу».... И она скоро уплываетъ:

Пропивъ чумакъ воли,
Пропивъ чумакъ вози,—
Пропивъ воли, пропивъ вози,
Пропивъ яри и запози—
Все свое добро!...

«Хміль» такъ разобралъ голову, что чумакъ свалился подъ лавку — и заснулъ, какъ убитый. Просыпается —

Устапу я въ ранці,
Погляну въ гаманці (сумка):
Було грошей, було много,
А теперъ нема нічого—
Щи за що гулять!

Выходитъ онъ на дворъ, чтобы посмотрѣть на свою «худобу», но и ее уже давно нѣтъ: шинкарочка —

Сірі воли забрала
И въ паньскій двіръ загнала...

Чумака не выдержалъ: заплакалъ за худобой. Что съ нимъ теперь будетъ? какъ ему быть?... А тутъ за сердце сосеть, голова трещить... Хоть бы онохмѣлиться! Но на что? Досада тяжелымъ камнемъ сдавила его сердце... А онохмѣлиться все-таки хочется. Чумака въ раздумьи:

Піду до жидівки—
Вірити горілеи!...

Идетъ онъ къ жидовкѣ и начинаетъ ее упрашивать отпустить ему «хоть бухличокъ» (кружечка); плакать по «худобѣ», — напрасно: шинкарка даже стала надъ нимъ смѣяться, называетъ его «пьявѣцею»:

Ти пьяница, ти ледащо,
Пропивъ воли не знашь за що,—
Пропивъ воли, пропивъ возі,
Пропивъ ярма и занози,
А самъ ходишь по дорогі—
Проливаешъ гіркі слези!...

Уборы эти несомны чумаку — и онъ ставитъ послѣднее рѣшенье:

Скину кожущину—
Въ жидівки покину:
Буде впищя, похмелищя,
Чумакові не журищя
За своїмъ добромъ!

Чумака проспался. Гдѣ его воли, возы, куда дѣвались трудовые «грѣші», заработанные цѣною всѣхъ неудобствъ домашней жизни? Ничего не помнить. Въ горѣ, отчаяніи, чумака направляется къ ворожкѣ.

Заворожи, бабусенько,
Де чумацькі гроші?

—проситъ онъ. Ворожка разложила карты, посмотрѣла ему ладонь, — снова переложила карты — и отгадала: «У шинкарочки та у Гапульки — тамъ чумацькі гроші!» Чумака и самъ хорошо знаетъ откуда пришелъ: припомнилъ, какъ онъ «частувавъ» воровку... Но что же ему теперь дѣлать? Какъ обратиться изъ воровки? Не можетъ ли сказать ворожка?... Онъ вторично обращается

ей: «Заворожи баба-бабусенько, чи чумакові женищя?» Ворожка опять погадала на карты: «Ой оженись, мій синочку, — говоришь она, — хочъ нічого й не бери»: хотя у тебя «нічого й не буде», за то «жінка буде», которая тебѣ поможетъ разбогатѣть... Чумака чрезвычайно доволенъ отвѣтомъ. Но видно судьба преслѣдуетъ его, ему и тутъ неудача. Дівчина, которую онъ любилъ, съ которою условился, по возвращеніи, «на рушничку стати» —

И любила и вохала
Покіль Одеса спріяла (благоприятствовала)...
Теперь любить багатого —
Мене киди нещасного!

Жаль чумаку стало своей прежней жизни, когда его всѣ любили, «поважали», — вездѣ онъ былъ принятъ съ почетомъ... Другие люди и до сихъ поръ такъ живутъ... Тоска по минувшемъ, сожалѣніе о потерянномъ «добрі», стыдъ передъ людьми, навившими его за порядочнаго хозяина, — все вдругъ нахлынуло на чумака въ душу... Чтобы хоть немного облегчить себя, чумака идетъ «на гору крутую» — посмотрѣть «якъ люди живутъ». Смотритъ —

А люди живутъ,
Якъ маки цвітуть!...

Если возвратится этотъ чумака домой, такъ павѣрное отецъ спроситъ, гдѣ подѣлились воли и возы... Что ему отвѣтить? Одно — своротитъ на несчастную долю или на чары. Сказать, что онъ такъ «поробила шинкарочка Настя», что она дала ему отъ себя «у хлібові ззісти», или «въ горілиці спити», или просто объявить тѣмъ, что онъ «безъ долі вродився»... На вопросъ отца, какаго его доля: — «а чи въ Сулі, чи въ Самарі, чи у тихому Дукачкѣ», — чумака отвѣчаетъ: «безъ долі вродився!» Семейнаго же чумака, оставившаго у шинкарочки «все свое добро», преслѣдуетъ вопросъ жены, которая объявляетъ ему, что «нема соли правды, муки ні пилочка»... И огорченный чумака въ отчаяніи восклицаетъ:

Або піду утоплюся,
Або въ камінь розібьюся:
Нехай добрі люди знають,
Якъ чумаки умірають!...

Наконецъ, чумака готовъ исполнить свое рѣшенье:

Пішовъ чумака тонитися,
Чумачиха дивитися!

Стой, чумаче, не топчися—
Хочь на діги подвися!

Но подобные счастливые для чумака случаи весьма рѣдки.

Чаще всего чумаекъ, приученный ко всякимъ невгодамъ, носливый при всякой бѣдѣ, не теряетъ надежды со временемъ снова нажать пропитое добро.

А такъ какъ чумакомъ пельзя сдѣлаться «безъ грошей», чумаекъ старается прежде всего ихъ добыть:

Ой піду я на Дінь—
Не по рибу, то по сіль:
Буду грошей заробляти,
Вуду воли купувати,
Щобъ чумакомъ стать!

И онъ отправляется на Донъ, нанимается тамъ «въ забрѣдъ» — становится *бурлакомъ*. Потомъ, «заробивши грошей», принимается снова за чумачество. Онъ такъ сжился съ этимъ промысломъ, что если не поступаетъ на время въ бурлаки, то шаается наняться къ чумакамъ въ «погоничі»:

Буду чужі воли гпати,
Бо хочу чумакувати!

IX.

Смерть чумака въ дорогѣ.

Смерть угрожаетъ чумаку на каждомъ шагу его длиннаго пути въ Крымъ. Нападенія гайдамаковъ и татарь, — какъ бы видѣли, — волчуются иногда истребленіемъ цѣлой валки... Значительный Крымъ, кромѣ того, не рѣдко поражалъ чумаковъ чумою, отъ которой въ то время спасенія не было. Журба («журба» — худобѣ), пропитой въ шинкѣ, или же погибшей отъ долгачей тешествія — также бывала причиною смерти. А то — постигала чумака «пригода»: или чумаку «сіль головку розбила», или «вбито, затыгнуто въ жито», или же — неизвѣстно отчего вдругъ чумаекъ «занедужавъ» и отошелъ къ предкамъ...

Первыми вѣщателями какъ несчастія чумакаго, такъ и его смерти бывають воли. Они — эти вѣрные, неразлучные друзья его въ дорогѣ — чуютъ бѣду и всегда предупреждаютъ его своего хозяина. Такъ: задумался чумаекъ о домѣ, взгрустнулось ему по отцѣ, матери или другихъ, близкихъ его сердцу. — поглядѣлъ на воловъ — а они «не пасудца, та не

води пити...» И дѣйствительно, когда онъ остановился возлѣ «вринченъи», чтобы напоить воловъ — «воли ревуть, води не брѣють»... Огорченный чумаекъ знаетъ, что тутъ что-то недоброе брѣется, — обращается къ воламъ:

Воли жь моє, сїрі, половні, чому нещете?
Тільки мнї, молодому, журби-жалю задаете!...

Посмотрѣлъ па дорогу, а опа —

Широка, та прибитая,
Слізоньками перелитая...

И снова еъ своимъ любимцамъ:

Ой воли жь моє, сїрі, половні,
Идїть въ возі тихо,
Бо вже жь мене, молодого,
Нападає лихо!
Ой воли жь моє, сїрі, половні,
Идїть тихою ходою:
Е у мене батько та нешня —
Гїрко жураця за мною!

Но самый вѣрный вѣщунъ чумацкой бѣды и смерти — зловѣщій пугачъ. Если онъ «запугавъ» — быгъ бѣдѣ! Чумаекъ, не успѣвшій на зиму «у великой лугъ», а оставшійся зимовать въ степи, — когда не отыскалъ для своихъ воловъ ни клочка сѣна, ни «въязочки соломи», — возвращается въ тоскѣ въ своему дому. А тутъ — гдѣ ни взялся — пугачъ:

Ой сидить пугачъ та на могилі,
Та на вітерѣ надувєл:
Оп сидить чумаекъ на переднїмъ возі —
Та вже лиха здобувєся!...
Ой сидить чумаекъ на переднїмъ возі,
На важницю схиливєся —
Ой правою рученькою
Та за сердце вхопивєся,
Карильєними оченьками
Та на волики подививєся!...

Грустно разставаться съ тѣмъ, что такъ долго служило... А «вѣщаніе» между тѣмъ беретъ свое: чумаекъ уже и сидѣть не въ «важницю» — и на «драбину похиливєся».

Занедужавъ чумаченько —
Задумавъ умерти,
Та пікому чумакоі
Доглянути смерти!

умирать вообще, какъ бы ни была жизнь горька; по

Стой, чумаче, не топися—
Хочь на діги подивися!

Но подобные счастливые для чумака случаи весьма рѣдки.

Чаще всего чумакъ, приученный ко всякимъ невзгодамъ, послышавъ при всякой бѣдѣ, не теряетъ надежды со временемъ снова нажить пропитое добро.

А такъ какъ чумакомъ нельзя сдѣлаться «безъ грошей», чумакъ старается прежде всего ихъ добыть:

Ой піду я на Дінь—
Не по рибу, то по сіль:
Буду грошей заробляти,
Буду воли купувати,
Щобъ чумакомъ стать!

И онъ отправляется на Донъ, занимается тамъ «въ забродѣ» — становится бурлакомъ. Потомъ, «заробивши грошей», приходитъ снова за чумачество. Онъ такъ сжился съ этимъ промысломъ, что если не поступаетъ на время въ бурлаки, то собирается наняться къ чумакамъ въ «погоничі»:

Буду чужі воли гнати,
Бо хочю чумакувати!

IX.

Смерть чумака въ дорогѣ.

Смерть угрожаетъ чумаку на каждомъ шагу его длиннаго пути въ Крымъ. Наладенія гайдамаковъ и татарь, — какъ бы видѣли, — кончаются иногда истребленіемъ цѣлой валки... Значительный Крымъ, кромѣ того, не рѣдко поражалъ чумаковъ и самою, отъ которой въ то время спасенія не было. Журба и худоба, пропитой въ шинкѣ, или же погибшей отъ долгатаго тешествія — также бывала причиною смерти. А то — постигала чумака «пригода»: или чумаку «сіль головку розбила», или «вбито, затыгнуто въ жито», или же — неизвестно отчего вдругъ чумакъ «занедужавъ» и отошелъ къ предкамъ...

Первыми вѣщателями какъ несчастія чумакаго, такъ и его смерти бывають воли. Они — эти вѣрные, неразлучные друзья его въ дорогѣ — чуютъ бѣду и всегда предупреждаютъ его своего хозяина. Такъ: задумался чумакъ о домѣ, взгрустнулъ ему по отцѣ, матери или другихъ, близкихъ его сердцу. — поглядѣлъ на воловъ — а они «не пасудця, та не бують»

«води пити...» И дѣйствительно, когда онъ остановился возлѣ «припиченьки», чтобы напоить воловъ — «воли ревуть, води не бростеть».... Огорченный чумакъ знаетъ, что тутъ что-то недоброе происходитъ, — обращается къ воламъ:

Воли жь моі, сірі, половні, чому неспетье?
Тільки мнї, молодому, журби-жалю задаєте!...

Посмотрѣлъ на дорогу, а она —

Широкая, та прибитая,
Слизоньками передитая...

И снова къ своимъ любимцамъ:

Ой воли жь моі, сірі, половні,
Идіть въ возі тихо,
Бо вже жь мене, молодого,
Нападає лихо!
Ой воли жь моі, сірі, половні,
Идіть тихою ходою:
Е у мене батько та ненька —
Гірко жураця за мною!

Но самый вѣрный вѣщунъ чумацкой бѣды и смерти — злобный пугачъ. Если онъ «запугавъ» — бытъ бѣдѣ! Чумакъ, не оставивши на зиму «у великой лугъ», а оставивши зимовать въ степи, — когда не отыскалъ для своихъ воловъ ни клочка сѣна, ни «вѣзочки соломи», — возвращается въ тоскѣ къ своему дому. А тутъ — гдѣ ни взялся — пугачъ:

Ой сидитъ пугачъ та на могилі,
Та на вітеръ надуся:
Ой сидитъ чумакъ на переднімъ возі —
Та вже лиха здобуся!...
Ой сидитъ чумакъ на переднімъ возі,
На важницю схилився —
Ой правою рученькою
Та за сердце вхопився,
Карильями оченьками
Та на волици подивився!...

Грустно разставаться съ тѣмъ, что такъ долго служило... А больши между тѣмъ беретъ свое: чумакъ уже и сплѣтъ не въ чумахъ — и на «драбину похилився».

Запедужавъ чумаченько —
Задумавъ умерти,
Та пікому чумакою
Доглянути смерти!

Чумаку умирать вообще, какъ бы ни была жизнь горька; по

смерть особенно тяжела въ одиночествѣ, вдали отъ родныхъ, которые въ ту минуту быть можетъ и не думаютъ и не гадаютъ про тебя... А родные нашего чумака далеко; вокругъ него — чужина:

Чужа, чужа сторононька,
Та чужій люде...
Хто чумака поховае,
Якъ смерть ему буде?

Единственная надежда и опора чумака — его товарищи. Ухо-
ихъ въ это время — единственная отрада страдающему больному.

И дѣйствительно, товарищи въ такія печальныя минуты за-
мѣняютъ родныхъ. Забота ихъ о заболѣвшемъ чумака просты-
рается до того, что они ѣдутъ медленнѣе обыкновеннаго, ве-
смотря на то, что имъ спѣшать необходимо:

Ой ради бѣ ми поспѣшати, — говорятъ они, —
Такъ чумака занедужавъ...

А если товарищу очень дурно, — они даже и совсѣмъ остано-
виваются. — Вотъ, тихо плывущая валка, спустившись «въ до-
лину», остановилась. Воли выпрягли; пустили на пашу, отпра-
дивши сторожить «молодиківъ», а сами чумаки направились на
тому возу, на которомъ больной «на драбину похилился». Груст-
ныя лица у этихъ и безъ того суровыхъ ватажанъ: смерть то-
варища тяжело отозвалась въ сердцѣ каждаго изъ нихъ. Са-
нѣсколькихъ возовъ сняты рогожи, разостланы подъ возомъ, и
на нихъ лежитъ «чумака молоденькій» въ предсмертной агоніи.
Вѣтеръ треплетъ во всѣ стороны его длинную «чуприну» и
освѣжаетъ воспаленное лицо умирающаго... Кругомъ сидятъ то-
варищи, мрачно поглядывая на него: ждутъ, когда по-
блѣднѣетъ разгорѣвшееся лицо, когда прекратится дыханіе... Гдѣ
ихъ веселыя рѣчи, гдѣ ихъ смѣющіяся лица? Ни шуму, ни гаму,
ни даже говора... Передъ ними лежитъ недвижный товарищ —
быть можетъ черезъ нѣсколько минутъ не жилецъ этого свѣта,
а надъ ними свѣтитъ яркое солнце — вѣчно юное, животворящее,
вѣчно не умирающее... Тишина, молчаніе... Только воли — да
жется — тяжело дышутъ, да вѣтеръ шелеститъ между травами.
Но вотъ полумертвый товарищ очнулся. Товарищи тотчасъ же
обратили вниманіе, опъ — пристально посмотрѣлъ на нихъ. Опъ
проситъ, чтобы ему привели посмотрѣть «худібоньку». Товарищи
немедленно исполнили и эту просьбу. Посмотрѣлъ чумака на
своихъ дорогихъ воловъ и спрашиваетъ:

Ой воли жѣ мої, сірі, положіи,
Хто вамъ паномъ буде, —

Ой якъ мене та чумаченька
На сімъ свѣті не буде?..

А воли ему въ отвѣтъ:

Той надъ нами буде панувати,
Хто насъ буде поганяти...

Отвѣтъ этотъ — все рѣшилъ для чумака: если уже воли такъ
говорятъ, — значитъ смерть неминуема! Поэтому опъ обращается
къ своимъ заботливымъ товарищамъ съ послѣднею волею о по-
ребініи:

Ой ви чумаченьки, ой ви молоденькі,
Ой ви люде на все гѣжі!
Ой побудуйте (постройте) мині молодому
Домовину (гробъ) зъ рогожі.
Ой ви чумаченьки, ой ви бурлаченьки,
Зробіть же ви мині славу:
Ой виконайте мині молодому
Хочъ притиками яму!

При этомъ чумака не забываетъ сдѣлать распоряженіе и на-
счетъ своихъ воловъ. Опъ проситъ, чтобы товарищи «сімъ паръ
волівъ» отогнали домой и отдали бы въ распоряженіе жены: —
«Хай жінка заплаче надъ моею головою». — Даже для холостого
чумака о домашнихъ составляетъ въ минуту смерти послѣдній
заказъ. Опъ проситъ товарищей:

Якъ будуть зъ Перекопу рушати, —
Воли запряти;
Якъ на Подолі становицца, —
Отцю-неньці поклонниця!

А вспоминая дѣвчину, умирающій проситъ передать и ей по-
словъ отъ него:

Якъ буде зъ васъ, котрий бранця,
Въ своїй сторононьці, —
Поклонниця отцю-неньці,
Й мойй дівчиноньці...

Если чумака умираетъ вдали отъ родныхъ, гдѣ-нибудь въ
степи, далеко отъ села, то чумаки положить тѣло умершаго на
то возъ и везутъ «на долипу», гдѣ, остановившись «на попасъ»,
обработаютъ землѣ тѣло товарища.

Вийшли чумаки (говорить пѣсня), вийшли на долину —
Викопали ділъ глубокий та на домовину...

А то хоронять и «въ степу, край дороги», или же — умершаго
въ неділоньку въ ранці» — «въ зеленімъ байраці». А того

чумака, что «сіль головку разбила,» товарищи похоронили въ перекресткѣ, между «трёма шляхами»:

Ой тамъ яму копали —
Тамъ чумака сховали!..
Насипали надъ чумакомъ
Високу могилу,
Посадили въ головонькахъ
Червону калину...

Проѣзжавшему вдоль Украины и вообще на югѣ Россіи, конечно, не могли не броситься въ глаза могилы надъ дорогами — чаще всего именно на перекресткахъ. На этихъ могилахъ иногда стоитъ простой деревянный крестъ, если могила неподалеку села или лѣса; иногда могилу эту затѣняетъ густыми вѣтвями тутъ же растущее дерево, а чаще всего — просто одинокая могила высится среди поля, надъ дорогою. То «поховані» чумака. Могилы эти всегда почти покрыты посохшими растеніями, обрубами дровъ, или прутьями. Сдѣлано это прохожими и проезжими мимо скромнаго надгробнаго памятника, свидѣтельствующаго о случайномъ несчастіи въ дорогѣ. У малороссіянъ существуетъ повѣрье, что если на подобную могилу бросить что-либо, то «дорога буде щаслива». И потому всякій, проходя или проезжая мимо могилы въ полѣ, не преминетъ оставить и свою долю на памятникъ несчастія.

Иногда чумака, умирающій вдаль отъ родныхъ, проситъ товарища похоронить себя не среди поля, гдѣ будетъ «видненько на всю Украину», а «въ зеленімъ саду, підъ влинь-дрвиною», дабы она «спустила гілля зверху до коріння, листки до долочку» и прикрыла «тіло, чумацькее біле, ще й головочку» —

Та щобъ тее тіло,
Чумацькее біле,
Та й не чорніло —
Одъ буйного вітру,
Одъ ясного сонця,
Щобъ не марніло!

Похоронивши товарища и оплакавши его, чумацкая вдова снова пускается въ дальнѣйшій «путь-доріженьку»; а когда опять повитися «на нічъ», справляютъ походныя поминки: сваряць кашу, —

Та укинуть чабава (родъ рыбы),
Та й пом'януть чумака!

X.

Ожиданіе домашнихъ и возвращеніе чумаковъ.

Много печали стоила разлука съ чумаками «дівчині», жёнъ, матери; но самымъ, конечно, большимъ нетерпѣніемъ увидѣться снова съ «милымъ» горитъ «дівчина». Отвергнутая чумакомъ во время погони за нимъ, — когда онъ посоветовалъ ей вернуться «пшениченьки жати», — она, хорошенько выплакавшись, отчасти-было уже примирилась съ своею «гиркою долею». Надежда на скорое свиданіе съ чумакомъ, по возвращеніи его съ дороги, стала ея единственною мыслию; приготовленіе къ встрѣчѣ — единственною заботою. Настало лѣто; поспѣваетъ пшеница; — выходитъ «дівчина» въ поле «на жнивѣ». Нѣсколько часовъ сряду, не разгибая тонкаго «стану», работаетъ она надъ пшеницею, какъ бы стараясь заглушить усталостью мучительное ожиданіе; но все напрасно: мысль о чумака не выходитъ изъ головы ея. Уже она и устала, бѣдная; но не утомилось ожиданіе:

Та болять ручки, та болять ніжки,
Та пшениченьку жнучи, —
Та вже жъ мнѣ надовучило,
Та миленького ждучи!

Вечеромъ возвращается она домой въ надеждѣ на радостную встрѣчу; но надежда ея не оправдывается:

Та нема жъ мого миленького,
Та нема жъ мого нана, —
Та уже жъ моя постіль біла
Пилочкомъ припала...

Измученная дневнымъ тяжелымъ трудомъ, дівчина, несмотря на утому, и въ постель не ложится:

Та нема жъ мого миленького,
Та нема жъ мого сонця...
Ой уже жъ мнѣ надовучило,
Сидячи въ віконця!..

Вотъ ей показалось, что кто-то прошелъ мимо овна ея... Не чумака ли? Вдали послышалось бичеванье воловъ, скрипъ колесъ... Не онъ ли їдетъ?... Въ жаръ бросило «бідну дівчину»... Но скоро все затихло: ни скрипу, ни стуку, — только вѣтеръ зашумѣлъ вербами...

Такія же мучительныя часы ожиданія переживаетъ и чумачиха. Она уже —

Потоптала черевички,
На дорогу вибігаючи,
Виплакала карі очі,
Чумаченька виглядаючи...

А онъ не їдетъ и не їдетъ! Не случилось ли съ нимъ какое несчастье? Сердце чумачихи предчувствуетъ, что должно быть что-нибудь недоброе съ ея «милымъ»: «туга» о немъ не даромъ не даетъ ей покою:

До Хорола все дорога,
А до Криму стежечка:
Пришла туга одъ милого
Та до мого сердечка...

Но «журба», какъ извѣстно, «внрямая»: она разъ вопьется въ сердце, — ее никакими способами не выживешь оттуда. Чумачиха обращается къ «буйному вітру»:

Повій, повій, буйний вітре,
Звідкіль тебе прѣшу:
Возьми жъ мою тяжку тугу,
Що на серці нѣшу!
Повій, повій, буйний, вітре,
Зъ глубокого яру:
Прибуди, прибуди, мій миленький,
Зъ далекого краю!

Но вѣтеръ не внемлетъ словамъ несчастной «молодиці»:

И вітеръ не віе,
И сонце не гре, —
Тільки въ стѣну, край дороги,
Трава зеленіе...

По этой травѣ распустилъ чумаковъ воловъ своихъ, а самъ варить «снѣдання» или «вечерю» — и не думаетъ поспѣшать домой. Скучающая чумачиха сама не знаетъ что ей дѣлать, къ кому обратиться за помощью при своей бѣдѣ, такъ какъ у нея... «муки ні пилочка, ні соли дрібочка»... А уже и лѣто минуло, — вотъ-вотъ нагрянетъ осень, съ своими длинными, скучными вечерами... Съ кѣмъ коротать ихъ чумачихѣ?.. Милого не видно: онъ не їдетъ, да и только!

Нелітувань чумаченько,
Не йде й зимувати:
Прийде пічка осіння, —
Ні съ кимъ розмовляти!..

Долгія ожиданія чумаковъ съ дороги переполняютъ грустью и старческое сердце матери. Ее ужасно беспокоитъ необъяснимо-продолжительное отсутствіе сына. Безпокойство это еще больше усиливается, когда являются недобрые предвѣстники:

Злетівъ півень на повіту,
Крикнувъ: кукуріку!
Не дожидай, мати, сина
До себе до-віку!

Бѣдную старуху начали сны безпокойные тревожить, предвѣщая недоброе... Разъ ей снится, что ея сыпъ «чумаченько у дорозі оженився»... Перепуганная мать спѣшитъ къ сосѣдямъ, передаетъ имъ странный сонъ и проситъ разгадки... Сосѣди, какъ ни грустно было печалить «стару матіръ», не могли скрыть ужасной разгадки этого сна:

Та уже жъ тобі, стара мати,
Й малі діти сказали,
Ой що твого сина-чумаченька
У Перекопі сховали...

Наконецъ, ожиданія селянъ начинаютъ сбываться: чумацкая валка медленно приближается къ родному селу. «Закуренымъ шляхомъ» медленно подвигаются впередъ съ полными возами усталыя «паровиці». Они даже какъ будто ускорили шагъ, приближаясь къ дому. Вотъ уже показалась маковка бѣдной деревенской церкви — и скрылась изъ глазъ за горою... Перекрестился каждый изъ чумаковъ, увидя родную святыню; сердце сильнѣе забилося... Оживились суровыя лица; заиграла улыбка довольства — и, спустя немного, смѣнилась задумчивостью... Видно вопросъ: все ли благополучно дома? вспугнулъ проснувшуюся радость... Впрочемъ эта задумчивость не надолго: по мѣрѣ приближенія къ родному селу, чумаки еще веселѣе стали. А село у нихъ передъ глазами, стоитъ только спуститься съ горы... Оживленіе охватило всю валку: послышался говоръ, раздался дружный хоръ пѣсни... Чумацкая валка спускается съ горы...

Ой зза гори, та зза кручі,
Риплять (скрипять) вози йдучи, —
Попереду чумаченьки,
Йдуть вигукуючи...
Вози риплять, ярма брязчать,
Воли ремедають, —
По-переду чумаченьки
У скрипочку грають...

Шумно и весело возвращается домой чумацкая валка: неумолкаемая пѣсня даетъ знать о ея приближеніи...

Недоѣзжая села, «на майдані», на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были проводы, чумацкая валка остановилась... Вышедшіе на встрѣчу «родичи» кинулись къ толпѣ чумаковъ... Начались объятія, поцѣлуи, слезы — неразлучные съ радостью... Посыпались разспросы; слышны утѣшенія и успокоенія... Но — увь! общая радость не бываетъ безъ чьего-нибудь горя..

Чумаць, котораго такъ долго и мучительно ждала «дівчина», не возвращается съ дороги. Дівчина въ отчаяніи:

Ой Боже жъ мій, Боже,
Де мій милий дівся?
Ой чи його звіри ззіли,
Чи вінъ утопився?..

Но не можетъ быть, чтобы подобное несчастье поразило ея милого:

Якъ би звіри ззіли,
То бъ ліси шуміли;
Якъ би утопився,
То бъ Дунай розлився...

Товарищи, наконецъ, объясняютъ «дівчині» причину смерти: ея милого убило «підъ білою березою»:

Ой убито, вбито,
Затягнуено въ жито;
Червоною витайкою
Личенько прикрито...

Вотъ она пошла искать, гдѣ ея милый, чтобы хоть посмотреть на него въ послѣдній разъ, — чтобы проститься на вѣки...

Приходить дівчина
Зъ карми очима,
Та підняла витачеу—
Та й заголоспа...

Но случается, что чумаць находитъ дома несчастье: или онъ не застаётъ въ живыхъ кого-нибудь изъ родныхъ, или не находитъ хаты на мѣстѣ — истреблена пожаромъ, или же въ хозяйствѣ случилась какая бѣда. А холостой, котораго всю дорогу беспокоила мысль о «дівчині», узнаетъ вдругъ, что она уже принадлежитъ другому... Ни въ чемъ невинная бѣдная женщина, которой «світъ завязали» съ «нелюбомъ», со слезами отвѣчаетъ ему:

Чи я жъ тобі не казала,
Та стоючи підъ кислицею:
Не йди, не йди у Кримъ по сіль,
Бо застанешъ молодичею!

Чи я жъ тобі не казала,
Та стоючи підъ повіткою:
Не йди, не йди у Кримъ по сіль,
Бо застанешъ підъ намитвою!

Чумаць видитъ, что ей дѣйствительно и самой тяжела новая жизнь, что совсѣмъ не за что укорять ее, и, чтобы хоть сколько-нибудь загладить свои несправедливыя нападки, утѣшаетъ ее:

Любивъ тебе дівчиною,
Любитему й молодичею:
Сінь рікъ буду тебе ждати—
Поки станешъ удовицею...

А въ ожиданіи конца такого срока, чумаць снова предается своей полукочевой чумацкой жизни, исполненной тревогъ, лишений, несчастій...

И все же украинець до самаго послѣдняго времени любилъ эту жизнь. Онъ продолжалъ по прежнему дружить съ своими медленными волами; ему все-таки привольнѣй дышалось среди широкой степи, по которой «одвѣчными шляхами», съ ранней весны до глубокой осени, одна за другою, тянулись длинныя чумацкія валки... Но это время прошло; пустынная степь превратилась въ населенную сторону, среди которой не рыскаютъ болѣе пайки гайдамаковъ или дикой татарской орды: миновали опасности, улеглись невзгоды... А между тѣмъ и чужество пачало вырождаться... Прежній типъ чумака, закаленного въ несчастіяхъ условіями полукочевой жизни, замѣтно сталъ уступать типу извозчика, лишенному всякаго поэтическаго ореола. И быть можетъ не за горами то время, когда Малоросси совсѣмъ должна будетъ проститься съ промысломъ, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій составлявшемъ любимѣйшее ея занятіе. Промыселъ этотъ какъ возникъ подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ, — такъ, сослуживши службу своему краю, подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ долженъ и исчезнуть. Мы переживаемъ теперь эпоху постепеннаго вымиранія одного изъ симпатическихъ типовъ Малороссіи... Отъ чумака и его исполненной приключеній жизни останется рядъ поэтическихъ пѣсенъ, въ которыхъ запечатлѣлся духъ чумачества — унылыхъ, напоминающихъ пустынную безбрежную степь, наводящихъ на душу когда-то меланхолическую мечтательность о добромъ прошломъ, а теперь вызывающихъ изъ сердца какое-то «тихо-сумне» горе... Тамъ послѣ бурной, полной тревогъ и отваги, воинственной жизни казака осталась также одна эпопея казацкихъ пѣсенъ, которая, подобно казацкой славѣ, «не вмре, не поляже». Пѣсни

эти, какъ говорить Гоголь, «для Малороссіи все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила!» Оттого малороссы такъ и любятъ свои пѣсни.

Лѣтомъ 1868 года я ѣхалъ изъ Малороссіи. Впереди меня остановилась длинная валка. Въ виду «битого шляху», по которому двигались чумацкія «паровиці», строилась желѣзная дорога. Я тоже остановился и подошелъ къ чумакамъ. Долго съ большимъ любопытствомъ разспрашивали они меня о чугункѣ, долго смотрѣли на нее и разсуждали объ ея удобствахъ и неудобствахъ, выгодахъ и невыгодахъ. Всѣ разсужденія сводились къ одному: желѣзная дорога — смерть для чумачества! И себѣ поѣхалъ дальше, а чумаки все еще пристально продолжали смотрѣть въ глаза своей смерти... Наконецъ, и они тронулись. Раздалась грустная, заунывная пѣсня:

Та не буде знати
Ні отець, ні мати,
Ні братъ, ні сестра...
Тільки буде знати
Того чумаченька—
Чужа сторопа!...

Ив. Рудченко.